

УДК 81.808

О КОННОТАТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Узденова З.К.

ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева» (369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29), e-mail: kaf.rus9@mail.ru

Проблема, связанная с изучением коннотативного аспекта семантики слов в полилингвальной среде, представляется актуальной, поскольку в настоящее время возросла потребность обучаемых в обмене информацией, познании окружающего мира и речевом общении. Маркированность лексических единиц характеризует ситуацию общения, его участников, их отношение к предмету речи, включает в себя оценочный, образный, экспрессивный и эмоциональный компоненты. Объектом исследования служит изучение коннотативных признаков языковых единиц, а предметом – их функционирование в речи. Статья носит теоретический характер и имеет своей целью обоснование лингвистической сущности коннотативных категорий, раскрытие их индивидуальности и самостоятельности. Учитывая роль коннотации в создании прагматической значимости речевых образований, языковая личность получает возможность оптимизировать своё общение с другими носителями языка, уменьшить вероятность коммуникативных ошибок.

Ключевые слова: коннотация, полилингвальный аспект, оценочность, образность, экспрессивность, эмоциональность.

ABOUT CONNOTIVE SIGNS OF LANGUAGE UNITS IN POLILINGVALNY ASPECT

Uzdenova Z.K.

FGBOU VPO "Karachay-Cherkess state university of name U.D. Aliyeva" (369202, Karachayevsk, Lenin St., 29), e-mail: kaf.rus9@mail.ru

The problem connected with studying of connotive aspect of semantics of words in the polilingvalny environment is represented actual as now the need of trainees for an exchange of information, knowledge of world around and speech communication increased. The Markirovannost of lexical units characterizes a situation of communication, its participants, their relation to a subject of the speech, includes estimated, figurative, expressional and emotional components. As object of research studying of connotive signs of language units, and a subject – their functioning serves in the speech. Article has theoretical character and has the purpose justification of linguistic essence of connotive categories, disclosure of their identity and independence. Considering a connotation role in creation of the pragmatistical importance of speech educations, the language personality has an opportunity to optimize the communication with other native speakers, to reduce probability of communicative mistakes.

Keywords: connotation, polilingvalny aspect, estimation, figurativeness, expressivity, emotionality.

Полилингвальный аспект изучения языковых единиц прослеживается в их возможных способах указания на особенности интерпретации образного основания культурно-национального пространства лингвистического сообщества, что способствует пониманию закономерностей взаимодействия культуры языка. В таком взаимовлиянии значимой становится культурно-ценностная информация, заключённая в системе языка и его единиц. Наиболее ярко и наглядно культурно-национальная специфика языка проявляется в семантике слова. Это объясняется тем, что номинация объектов и явлений окружающей действительности происходит сквозь призму этнокультурного мировидения. «Мир воспринимается человеком относительно самого себя. Языковая картина характеризуется специфическими свойствами, т.е. субъектом является не только человек вообще, но и представитель определенной этнокультурной общности, отличающийся

своеобразием мировосприятия, обусловленным материальным и духовным образом жизни этноса» [3].

Как показывает практика, разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова представляет определенные трудности в полилингвальной среде. В совокупности эти категории можно обозначить термином «коннотация», т.е. «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» [2].

«Семантическую категорию оценки мы будем называть оценочностью, поскольку этот термин обладает, во-первых, достаточной степенью абстрактности, во-вторых, необходимой краткостью и, в силу этого, удобным в употреблении, в-третьих, позволяет отличать оценку как семантическую категорию от логического и онтологического толкований» [4]. Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета, явления. Наличие «плюса» или «минуса» в значении слова – важнейший показатель оценки, средства выражения которой могут быть различны. К ним относятся интонация, оценочные конструкции (*всем пирогам пирог*), оценочные фразеологизмы (*семи пядей во лбу*), некоторые аффиксы (*толстуха*), прямое и переносное значение слов. Например:

Стране нужны знающие люди, а не мотыльки. (Николаев. Лешка); *А уж одета – картина!* (Абрамов. Пелагея).

Если сравнить прямое оценочное значение в слове *знающий* с переносным значением в слове *картина* и окказиональным *мотыльки*, то можно заметить, что производное значение характеризуется в отличие от прямого и образностью, и экспрессией.

Оценочность – категория функциональная. Номинативно-оценочная функция слова – это разновидность номинативной функции. Номинативно-оценочную функцию выполняют слова, выражающие отношение к чему-либо. Вместе с тем оценочность может развиваться и у слов, выполняющих указательную функцию, т.е. у местоимений. Например:

–Тогда это было для вас что-то, – торжествуя, подчеркнул Кузьмин. – А сейчас это оказалось нечто. И весьма (Гранин. Однофамилец).

В связи с тем что оценочность представляет собой функциональную категорию, она меньше всего является «созначением» и поэтому отличается от эмоциональности и экспрессивности. Очевидно также, что оценочность принадлежит к числу категорий, которые не только отражают, хранят, но и передают культуру из поколения в поколение [6].

Образность – сложная и многозначная категория, имеющая различные трактовки в связи с различными осмыслениями понятия «образ» [8]. Эта дифференциация определяется его двойственной природой, которая может выступать как образность языковая и образность авторская. С одной стороны, образность присуща тем или иным словам языка и представляет собой элемент семантики слова; с другой стороны, образный строй художественного текста является своеобразной формой выражения авторского замысла.

В художественном произведении образность можно выявить не только на уровне отдельного слова, но и в словосочетании, предложении, строфе, абзаце, тексте. Средствами создания такой образности являются метафоры, символы, аллегории и другие поэтические тропы. Остановимся более подробно на образности, заложенной в семантике слова.

Образность, так же как оценочность, не столько «созначение», сколько существенный признак самого значения, способ представления значения. В отличие от оценочности образность – категория отражательная. С позиции формирования языка образы слов имеют гносеологическую природу, а в художественном произведении образу присущи прагматические свойства, ибо он выступает как средство воздействия на читателя.

Возникает вопрос: как же соотносится образность с оценочностью? Есть слова оценочные, но не образные: *хороший, плохой...*; есть образные, но не содержащие в себе положительной или отрицательной характеристики: *мать-и-мачеха, координаты* («адрес, местопребывание»); наконец, есть слова, совмещающие в себе образность и оценку: *кухня* («о скрытой, закулисной стороне какой-либо деятельности»), *тюфяк* («о вялом, нерасторопном, безвольном человеке»). Образность и оценка не тождественны, но совместимы, особенно на уровне производных значений.

Узуальных слов, образных в прямых значениях, немного. «Поставщиками» образности являются переносные значения. Иногда достаточно присмотреться к слову, чтобы воссоздать первоначальное представление-образ; сравним: *пескарь, снегирь...* Легче всего образность слова обнаруживается при окказиональном употреблении. Например:

Внизу он услышал, как ругались рабочие, грузившие в машину рояль: «Купили бы скрипку какую-нибудь, а то ворочай танк этот!» (Велембовская. Вид с балкона).

Важно отметить одно существенное обстоятельство, что образность слов с разной степенью вариативности используется в процессе коммуникации для достижения различных целей говорящего.

Экспрессивность – система языковых средств, позволяющих выразить субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи и тем самым оказать воздействие на личность реципиента [7] .

В основе экспрессивности лежит определенное несоответствие каких-либо языковых или речевых средств нормам современного русского литературного языка. Указанное несоответствие не является помехой, ошибкой, искажением, так как ясно осознается его «заведомость». Экспрессию можно пронаблюдать на различных уровнях языка.

I. Об экспрессии на фонетическом уровне писал Н.С. Трубецкой, подчеркивая возможность намеренного изменения фонем говорящими. Так, например, героиня одного чеховского рассказа произносила слово *Петербург* через [y]: *Пютюрбюрг*. Сравним также:

– *Если занесена инфэкция... – важно начал Шелухин, гордясь словом «инфекция» и произнося его через «э», но Рахманинов не дал ему кончить* (Нагибин. Где стол был яств...).

II. Экспрессия на лексическом уровне может носить как узуальный, так и окказиональный характер, ее можно разделить на языковую и речевую. Сравним производные значения у слов: *польнь* – «о ком-, чем-либо неприятном, доставляющем огорчения, боль»; *репей* – «о навязчивом, надоедливо пристающем к кому-либо человеку» – и окказиональное значение у слова *бурьян*:

Разве это казаки? Это только играют в казаков. Так, бурьян. С ними я могу как угодно разговаривать (Иванов. Пархоменко).

Напрашивается вопрос: чем же обусловлена выразительность этих слов, их экспрессия?

Экспрессия производных оценочных значений продиктована тематическим несоответствием производного значения слова производящему значению. Тематическая принадлежность слова в прямом и переносном значениях различна. Так, слово *бегемот* в прямом значении входит в тематическую группу «четвероногие», а в производном значении является характеристикой толстого, неуклюжего человека. Тематическая принадлежность производящего значения не может не проецироваться на производное значение слова, придавая ему и образность, и экспрессию. Более того, экспрессия свойственна всем производным оценочным значениям существительных: *дикарь, тундра, маляр, шляпа, петух*... Однако порождена эта экспрессия не оценочностью, а производностью. Наличие оценочной функции не мотивирует экспрессию в силу того, что экспрессия слов в их производных значениях может и не быть связанной с оценкой. Сравним:

... на завтрак будет опять «блондинка», так звали всем осточертевшую пшеничную кашу (Полевой. Золото).

С другой стороны, оценочные слова не всегда экспрессивны (*хороший, добрый, веселый*), тогда как производность значения, заведомое несоответствие прямому значению делают слова выразительными, образными.

Несмотря на то что экспрессия является важнейшим признаком переносных значений, со временем она может стираться. Существуют определенные приёмы усиления экспрессии как в области речи, так и в области языка.

1. Повышенная экспрессия может создаваться подчеркнутым тематическим сближением средства оценки и объекта характеристики. Это тематическое сближение наблюдается, безусловно, в группах со сложившейся языковой оценочностью. Например:

До чего же конь хорош, чисто – лебедь! (Шолохов. Тихий Дон).

Если языковой моделью постепенно становится тематическое несоответствие производящих и производных значений, то средством усиления экспрессии является нарушение этой модели, т.е. тематическое сближение слов. Иногда можно встретить и полное совпадение. В одной из сказок Д.Н. Мамина-Сибиряка Ворона сетует:

– А чуть я полечу – меня сейчас все и начинают гнать в три шеи. Разве это справедливо? Да еще бранят вдогонку: – Эх, ты, ворона!

2. Повышенная экспрессия может создаваться изменением объекта оценки, в частности употреблением для характеристики предмета слов в их прямых значениях, являющихся оценкой человека:

Забористее всего пахнет молодой лук, когда, знаете ли, начинает поджариваться и, понимаете ли, шипит, подлец, на весь дом (Чехов. Сирена).

И в этом случае усиление экспрессии возникает за счет сознательного нарушения языкового стандарта: предмет оценивается словом, которое является характеристикой человека.

Если первые два приема относятся к речевым приемам усиления экспрессии, то последующие три – к языковым, так как в результате их использования может появиться и появляется новое узуальное значение.

1. Прием иронического употребления слов. В основе иронии лежит несоответствие слова контексту, чем и обусловлена экспрессивность. Например:

У нас среди шоферов есть такие орлы, что боятся на две сотни километров в рейс идти (Ажаев. Далеко от Москвы).

2. К приемам усиления экспрессии оценочных существительных можно отнести внутрисловную антонимию, то есть развитие у них значения с противоположным, положительным характером. Сравним:

Он плясал залихватски, отчаянно, весь отдаваясь пляске... – Ах, собака! Что делает! – одобряли пляску зрители (Скиталец. Огарки).

3. Помимо иронии и энантиосемии, у некоторых слов может развиваться другое экспрессивное значение – значение меры и степени. Например:

Он был зверски добросовестным, этот кубинский капитан (Гранин. Пинг-Понг).

III. С точки зрения выражения экспрессии морфемный уровень языка соотносится с процессом словообразования. Экспрессивные средства создаются на базе существующих моделей, при этом иногда сохраняется лишь морфемный параллелизм при иной направленности словообразовательного процесса. Сравним: *опошлился, опустил* и *оффицился*:

– *У тебя все «аккуратно». Оффицился, честное слово* (Эренбург. Буря). Подмена корневой или аффиксальной морфемы приводит к поморфемному восприятию слова. Например:

От нечего делать написал пустынький французистый водевильчик под названием «Медведь» (Чехов. Письмо Я.П. Полонскому).

IV. Экспрессия на синтаксическом уровне может быть создана изменением синтаксических связей слов. В этом плане интересен «ломаный» синтаксис речи героев И.Э. Бабеля.

Важно подчеркнуть, что сущность языковой экспрессии – в преодолении всевозможных шаблонов, стандартов. Однако из этого не следует, что экспрессивность неизбежно предполагает ломку каких-либо языковых устоев. Экспрессивные средства заложены в самом языке, не говоря уже о специальных приемах усиления экспрессии.

Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и потому необычное, выразительное. К тому же экспрессия слова в художественном тексте нередко зависит от точности и уместности употребления данного слова.

Эмоциональность – одна из движущих сил в развитии языка, ибо способствует созданию новых средств, которые служат для наиболее ёмкой передачи мыслей и чувств говорящего (пишущего) [1]. В лексическом составе языка можно выделить ряд слов, называющих эмоции: *страх, ужас, тоска, радость, блаженство...* То или иное эмоциональное наполнение этих слов составляет ядро значения, а не созначение, поэтому подобным словам не приписывают в качестве коннотативного признака эмоциональность. Они, в отличие от вышеперечисленных слов, не называют, а выражают эмоции. Все же основную часть эмоций мы выражаем не при помощи специализированных слов-сигналов, а параллельно, совместно с передачей информации. Заметим, что ведущая роль принадлежит интонации. Необходимо отметить также эмоциональность как коннотативный признак в значении слова. Здесь можно выделить две группы слов.

1. Слова, эмоциональность которых заложена в определенных аффиксах: *Машенька, белочка, зимушка, распрекрасный* и т.д. Есть слова, которые трудно представить с

уменьшительно-ласкательными суффиксами: свирепый, банда и другие, но они могут стать средствами выражения эмоций в конкретном контексте:

Ванька почувал некую перемену в Горыныче, подошел к нему и похлопал одну голову по щеке. – Мх, ты... свирепый. Свирепунчик ты мой (Шукшин. До третьих петухов).

2. Слова, эмоциональность которых не предопределена особыми аффиксами, а сопровождает значение слова: *растяпа, индюк* («о глупом, заносчивом, надменном человеке»), *придира́ться, воспеть...* Бесспорно, все эти слова можно прочесть с подчеркнута нейтральной интонацией, но в данном случае речь идет о таком прочтении, интонация которого определяется значением слова, в результате чего они воспринимаются говорящими как эмоциональные.

Одним словом, эмоциональность и психологическая категория. Она находит свое языковое выражение в междометиях, аффиксальных образованиях, в интонировании речи, в процессе чего становится как бы сопровождающим признаком многих слов.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что оценочность, образность, экспрессивность и эмоциональность лишь на первый взгляд кажутся тождественными категориями. Каждый коннотативный элемент в семантике слова имеет качественное своеобразие. Изучение процессов номинации в полилингвальном аспекте позволяет рассматривать не только особенности наименований объектов и явлений действительности с учётом их принадлежности той или иной лингвокультуре, но и соотношение значения слова с феноменом культуры.

Список литературы

1. Аванесова Н.В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – № 2 (17). – С. 5–9.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – С. 203–204.
3. Джаубаева Ф.И. Кавказский текст: язык и культура горцев в произведениях Л.Н. Толстого // Культурная жизнь Юга России. – 2009. - № 3 (32). – С. 99.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 6-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
5. Квашина В.В. Оценочность как языковая категория в современной лингвистике // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5 (21). – С. 252.

6. Мирзоева Л.Ю. Категориальные особенности оценки и их представление в современной лингвистике // Вестник КарГУ. – 2012. – № 2 (66). – 134 с.
7. Самыличева Н.А. Экспрессивность как базовое свойство окказиональных слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 4 (1). – С. 354–360.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта, Наука, 2006. – 696 с.
9. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

Рецензенты:

Джаубаева Ф.И., д.фил.н., доцент, профессор кафедры русского языка Института филологии ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карачаевск;

Эбзеева Ф.П., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела карачаево-балкарского и ногайского языков Карачаево-Черкесского Ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, г. Черкесск.